

Считаем, что назвать это ответственностью в традиционном понимании довольно сложно. Скорее всего, подобное следует рассматривать как предусмотренные в уголовном законе поощрения, направленные на смягчение уголовной ответственности или ее полное устранение при наличии соответствующих оснований. Подмена механизма смягчения негативной уголовной ответственности путем выделения позитивной уголовной ответственности выглядит по меньшей мере неубедительно.

Установление уголовной ответственности всегда находится в непосредственной взаимосвязи с объектом уголовно-правовой охраны, закрепленным в тексте уголовного закона. Отсутствие объекта уголовно-правовой защиты будет указывать на отсутствие уголовной ответственности как таковой. Это позволяет сделать вывод, что реальные объекты, блага, ценности, которым причиняется вред (создается реальная угроза причинения вреда) преступлением, также находятся в непосредственной взаимосвязи с уголовной ответственностью.

Кроме того, уголовная ответственность всегда взаимосвязана с тем фактическим вредом, который вызывается совершением преступления. Именно эти негативные изменения в охраняемом уголовным законом объекте обуславливают возникновение уголовной ответственности. Отсутствие объекта (благ, ценностей), поставленного под охрану уголовного закона, или негативных изменений в нем будет указывать на отсутствие уголовной ответственности как таковой.

Уголовный закон специфичен и построен на запрете строго определенных форм поведения. Нормы о правомерном поведении в этом Законе содержатся в небольшом количестве и являются исключением из общего правила, что находит отражение в названии всей гл. 8 УК РФ «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния». В этой связи данные нормы являются основаниями для исключения оценки деяния как преступного и непривлечения лиц, их совершивших, к уголовной ответственности. Следует различать: в одном случае, лицо, отвечающее за нарушение установленного законом запрета, было привлечено к уголовной ответственности, а в другом, содержащем все условия правомерности одного из обстоятельств, исключающих преступность деяния, поощрено тем, что не было привлечено к уголовной ответственности. В этой связи считаем ошибочным допускать, что непривлечение к негативной уголовной ответственности – возможный вариант позитивной уголовной ответственности.

УДК 343.2

Е.С. Бородулькина

О НЕОБХОДИМОСТИ НОРМАТИВНОЙ ОБОСОБЛЕННОСТИ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

На современном этапе развития общества и государства в свете усиления регулятивных начал в уголовном праве институт освобождения от наказания продолжает активно развиваться и имеет ряд актуальных и дискуссионных вопросов, представляющих интерес в теоретическом и практическом плане.

Институт освобождения от наказания закреплен в главе 12 УК Республики Беларусь «Освобождение от уголовной ответственности и наказания». Несмотря на то, что законодатель объединил в одной главе институт освобождения от наказания и институт освобождения от уголовной ответственности, следует отметить качественную обособленность и самостоятельность норм, их составляющих.

Помимо того, что различный объем наполнения имеют категории «уголовная ответственность» и «наказание», сами институты освобождения от уголовной ответственности и освобождения от уголовного наказания различаются по ряду оснований. Одним из принципиальных различий освобождения от уголовной ответственности и освобождения от уголовного наказания является то, что с момента освобождения от уголовной ответственности уголовно-правовые отношения изменяются или прекращаются, в то время как при освобождении от уголовного наказания правоотношение сохраняется до погашения или снятия судимости.

Важным отличительным свойством освобождения от наказания является возможность применения института без привязки к категории преступления, совершенного осужденным. В связи с этим Э.А. Саркисова отмечала, что освобождение от уголовной ответственности по общему правилу допускается лишь «в случае преступлений, не представляющих большой общественной опасности, или менее тяжких преступлений».

Есть и еще одно принципиальное различие. Освобождение от уголовной ответственности может иметь место на любой стадии (от возбуждения уголовного дела до удаления суда в совещательную комнату), в то время как освобождение от наказания – только после вынесения обвинительного приговора. На данную особенность в диссертационном исследовании обращал внимание Р.А. Середа. Кроме того, если от наказания может быть освобожден лишь осужденный (ч. 2 ст. 42 УПК), то круг лиц, подлежащих освобождению от уголовной ответственности, шире: это может быть как подозреваемый, так и обвиняемый.

Указанные обстоятельства приводят нас к выводу, что рассматриваемые институты обладают достаточной степенью самостоятельности, поэтому раздельная их регламентация представляется сегодня вполне обоснованной.

В науке уголовного права устоялось мнение о том, что освобождение от наказания – это институт права, образующий группу взаимосвязанных юридических норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в связи с освобождением лица от наказания. Традиционно в теории права формальным признаком института является внешнее обособление группы норм в тексте нормативного правового акта, как правило, в виде самостоятельной главы или раздела (такого мнения придерживаются, например, С.С. Алексеев, С.Г. Дробязко, М.И. Милушина, С.В. Бошно, В.Д. Первалов и др.).

По мнению В.В. Марчука, нормативная обособленность не является обязательным признаком правового института, однако, рассматривая институт «квалификации преступлений», автор отмечает, что законодательное обособление всегда способствует реализации задачи по систематизации норм института и полезно в организационно-практическом аспекте. Аналогичный подход наблюдается в работах Л.Л. Кругликова и Л.Е. Смирнова. Исследуя проблемы унификации в уголовном праве, ученые отмечают, что обособление в самостоятельное структурное подразделение нормативного акта правового института выступает завершающим этапом его формирования.

Обособление рассматриваемых институтов в различных главах уголовного кодекса нашло отражение в законодательстве большинства стран СНГ. В качестве примера можно назвать уголовные законы Азербайджана (гл. 11, 12), Армении (гл. 11, 12), Кыргызстана (гл. 11, 12), Таджикистана (гл. 11, 12), Туркменистана (гл. 10, 11), Узбекистана (гл. 12, 13). Часть уголовных законов стран СНГ и вовсе «распределяет» рассматриваемые институты по еще более крупным структурным единицам нормативного правового акта – разделам (например, УК Украины (разд. 9, 12)).

Таким образом, полагаем необходимым выделение норм, регулирующих освобождение от наказания, в отдельную главу УК Республики Беларусь. Нормативная обособленность может являться дополнительным разграничительным барьером между освобождением от наказания и смежным для него институтом – освобождением от уголовной ответственности. Законодательное выделение системы связанных норм, которым присуща однородность регулируемых отношений, позволяет не только достигнуть стройности, четкости и логичности уголовного закона, систематизации и структуризации норм УК, унифицирования подхода к регламентации сходных отношений, но и в перспективе позволит повысить уровень внутренней структуры института освобождения от уголовного наказания, а правоприменителям обеспечит лучшее понимание его правовой природы, будет способствовать правильному и единообразному применению уголовного закона.

УДК 343.2/.7

В.В. Вабищевич

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОБРАЩЕНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Фишинг, смишинг, фарминг, спуфинг, кибер-преследование, кардинг, кража личности, социальный инжиниринг – это лишь небольшая часть вошедших в оперативный оборот формулировок, обозначающих совершение общественно опасных деяний, связанных с хищением, незаконным оборотом и использованием персональных данных для достижения негативного результата, направленного на причинение вреда отдельным гражданам, обществу и государству. Сегодня в Беларуси отсутствует системный нормативный правовой акт, регулирующий использование и обработку персональных данных, несмотря на наличие модельного закона «О персональных данных» для стран – участниц СНГ. Республика Беларусь также не ратифицировала Конвенцию о защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера.

Следует обратить внимание на отсутствие конкретных составов в Уголовном кодексе Республики Беларусь, предусматривающих ответственность за нарушение законодательства о персональных данных, что ограничивает применение мер уголовной ответственности в этой сфере.

Действующие редакции статей уголовного закона, так или иначе связанные с посягательством на персональные данные, не претерпели существенных изменений с 1999 г., т. е. с момента принятия УК. Закономерно, что 18 лет назад вопрос информационной безопасности личности, общества и государства не стоял так остро, а хищение персональных данных не рассматривалось как серьезное общественно опасное деяние, так как отсутствовали в таком количестве информационные источники накопления персональных данных, а также технологии, позволяющие их похищать и использовать в преступных целях.

Стоит отметить, что в настоящее время ведется обсуждение принятия закона о персональных данных, защиту которых в том числе обеспечит криминализация конкретных деяний, связанных с нарушением законодательства о персональных данных. Введение в УК отдельных составов упростит работу правоохранительных органов, станет качественной превентивной мерой, в том числе в отношении хакеров, которые похищают персональные данные «ради интереса» и удовлетворения собственных профессиональных амбиций.

Уголовная ответственность за сам факт хищения персональных данных предусмотрена в Европейском союзе, США, Канаде, Японии, Китае и во многих других странах мира. Некоторыми зарубежными исследователями хищение персональных данных определено, как мошенничество или иное незаконное действие, когда персональные данные существующего лица используются в качестве основного инструмента для совершения иных преступлений.

Согласно п. 1028 (а) (7) Закона США «О краже персональных данных и сдерживании присвоения» наказывается лицо, которое осознанно передает или использует без законного на то права средства идентификации другого лица для совершения или содействия, или подстрекательства к незаконной деятельности. В США кража персональных данных, их незаконный оборот либо использование является самостоятельным и специальным объектом соответствующего уголовного преступления, что вызвано, например, значительным количеством полученных американским Центром приема сообщений об интернет-преступлениях (около 150 000), переданных правоохранительным органам, из которых 14 % составляла кража персональных данных.

В Великобритании ежедневно совершается около 1 000 кибератак, часть из которых направлена на хищение персональных данных. Сам факт хищения персональных данных уже является основанием для потери организацией доверия и репутации со стороны клиентов. Так, одна из крупных зарубежных компаний в результате кражи у нее персональных данных, в том числе гражданином Беларуси, закрылась. В 2007 г. двое белорусов создали «криминальный стартап», основанный на кра-